

## ТРЕТЬИ ЛИЦА В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕННОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассмотрены категории третьего лица в обязательственном праве с точки зрения оснований воздействия на динамику гражданско-правового обязательства. Освещена дискуссия определения третьего лица, выделен квалифицирующий признак третьего лица, с помощью которого можно провести обособление третьего лица от неопределенного круга лиц. Таким признаком является наличие интереса у иного лица, что служит предпосылкой для воздействия на обязательство. И лишь при реализации интереса активными действиями другое лицо становится третьим лицом в обязательственном правоотношении. Дано определение правового интереса и третьего лица. На основе анализа правового положения третьего лица в различных обязательствах сделан вывод о необходимости разграничения третьего лица как участника обязательственного правоотношения и неучастника.

**Ключевые слова:** обязательство; договор; третьи лица; интерес; должник; кредитор.

Любое гражданско-правовое обязательство воспринимается как правовая связь двух сторон, одна из которых (кредитор) наделена правом, а другая (должник) несет обязанность. При этом субъективному праву кредитора всегда корреспондирует субъективная обязанность должника, содержание которой сводится к необходимости совершения последним определенного активного действия.

Казалось бы, право кредитора на активное действие должника должно восприниматься в качестве аксиоматического положения. Между тем отношения экономического базиса вызвали к жизни такие конструкции, которые ломают общее представление об обязательстве как исключительно связи кредитора и должника. Речь идет о третьем лице, которое в установленных законом иными правовыми актами, а также соглашением сторон пределах может оказать влияние на динамику обязательственного правоотношения. И то, что еще в римском частном праве рассматривалось через призму строго личного характера, когда кредитор имел личное право требования, обращенное к должнику [1. С. 183], сегодня выступает скорее в качестве исключения, ограничивающего возможность привлечения третьего лица к исполнению обязательства как на стороне должника, так и на стороне кредитора.

Однако как бы мы не относились к роли третьего лица в динамике обязательства, одно остается неизменным: только для обязательственного правоотношения (в отличие от вещного, неимущественного и организационного) характерно то, что управомоченное лицо называется кредитором, а обязанное лицо – должником; эти лица настолько конкретны, насколько вообще может быть конкретизировано обязательство за счет тех прав и обязанностей, которые характеризуют участников соответствующего правоотношения. Именно поэтому доктрина гражданского права по критерию межсубъектных связей относит обязательство к относительным правоотношениям. И если в абсолютных правоотношениях управомоченной стороне противостоит неопределенный круг обязанных лиц, который в общем виде можно описать конструкцией «другие лица» или «третьи лица», то в обязательственном правоотношении появление любого другого (третьего) лица, отличного от кредитора или должника, должно восприниматься как аномалия, наличие которой допустил закон, отозвавшись на потребности отношений экономического базиса. Учитывая такую оговорку, отечественная доктрина граждан-

ского права выделяет две основные категории субъектов обязательства – стороны и третьи лица [2. С. 414].

На сегодняшний день в теории обязательственного права отсутствует какой-либо единый подход к пониманию третьего лица, что обусловлено, в первую очередь, неоднозначным подходом законодателя к использованию термина «третье лицо» по содержанию отдельных норм позитивного права. Так, толкование п. 3 ст. 308 ГК РФ, в соответствии с которым «обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (для третьих лиц)», позволяет утверждать, что законодатель в наиболее общем виде под третьим лицом понимает любое лицо, иное, нежели стороны конкретного обязательственного правоотношения. Такое определение третьих лиц для цели обязательственного права не приносит ясности в разграничение таких понятий, как «третье лицо», «другое лицо», «неопределенный круг лиц». В доктрине высказывается суждение о том, что в качестве третьих лиц следует рассматривать всех тех, кто, не являясь стороной или сторонами обязательства, своими действиями или бездействием определенным образом влияют на динамику обязательственного правоотношения [3]. Но как в таком случае понять, где находятся те границы, переход которых «другими» лицами приведет к тому, что это будет восприниматься как влияние на динамику обязательства действием или бездействием третьего лица?

М.И. Брагинский определял третьих лиц как участников гражданского оборота, находящихся в определенном положении по отношению к другим участникам. По его мнению, если другое лицо – это любой участник гражданского оборота, который не является стороной исходного правоотношения, то третье лицо, не являясь стороной исходного обязательства, всегда юридически связано с одной из сторон исходного обязательства [4. С. 3–6]. То есть речь идет о некоей юридической связи как квалифицирующем признаке, отграничивающим третьих лиц от всех остальных участников гражданского оборота.

Наличие подобного квалифицирующего признака усматривали и другие ученые-правоведы. В частности, О.А. Красавчиков писал: «...что касается третьих лиц, то закон относит к ним таких субъектов, которые состоят в определенной правовой связи с одной из сторон и приобретают в силу этого по обязательству некоторые права или обязанности, например, в случае возникновения обязательства из договора в пользу третьего лица» [2. С. 414].

М.К. Кроз высказывает мнение, что третьим лицом в гражданско-правовом обязательстве является его участник, связанный определенным правоотношением с одной из сторон данного обязательства и обладающий правами и обязанностями, производными от прав и обязанностей стороны (должника или кредитора) [5. С. 7].

Не возражая в целом по существу приведенных мнений, представляется необходимым отметить, что юридическую связь, о которой ведут речь данные ученые, следует воспринимать исключительно как связь обязательственную. В противном случае, если понимать ее расширительно – как любую юридическую связь, третьи лица станут практически неотделимы от других лиц. Вместе с тем наличие обязательственной связи нельзя рассматривать в контексте квалифицирующего признака, определяющего условие вовлечения субъектов гражданского оборота в динамику обязательства в качестве третьих лиц. Третье лицо может быть и не связано ни с одной из сторон обязательства какой-либо юридической связью, но при этом быть способным воздействовать на динамику правоотношения. Речь, в частности, идет об институте действия в чужом интересе без поручения, в рамках которого регулируются отношения лица (третьего лица), не обладающего юридической связью с должником, по исполнению за последнего обязательств перед его кредитором. В механизме действия в чужом интересе без поручения категории «третье лицо» и «другое лицо» являются в определенной степени схожими. Однако гестор, действующий в интересах доминуса, переходит из категории «других лиц» в категорию «третьих лиц». Данное обстоятельство исключает возможность использования критерия юридической связи для отграничения третьих лиц от всех остальных субъектов гражданского оборота в качестве универсального (квалифицирующего) признака. Более того, признак юридической связи не всегда срабатывает и в случаях, когда должник или кредитор обязательства одновременно состоят во множестве иных обязательственных связей: один лишь факт нахождения другого лица в обязательственной связи с кредитором и должником не превращает его в третье лицо, поскольку другое лицо может и не воздействовать на обязательство кредитора и должника. Изложенное актуализирует потребность поиска иного универсального критерия для оформления фигуры третьего лица в динамике гражданско-правового обязательства.

Что же объединяет всех третьих лиц, так или иначе способных оказать влияние на динамику возникновения обязательства?

Представляется, что только интерес участников гражданского оборота способен обособить одних участников в качестве должника и кредитора обязательства, а других – в качестве третьих лиц по отношению к динамике этого обязательства. При этом, если интерес должника и кредитора всегда соотносится с целью обязательства, то интерес третьих лиц всегда находится за пределами этой цели, однако его реализация по отношению к такому обязательству выступает средством (орудием) удовлетворения интересов кредитора и должника. Это означает, что формирова-

ние субъекта гражданского права в качестве третьего лица по отношению к обязательству проходит две стадии: первая связана с закреплением (оформлением) определенного интереса, что приводит к появлению потенциального третьего лица; вторая связана с реализацией данного интереса, затрагивает динамику обязательства, при которой потенциальное третье лицо переходит в состояние третьего лица. Совокупность же других лиц относительно обязательства представляет собой неопределенный круг лиц.

Итак, реализация интереса участника гражданского оборота выступает достаточным и необходимым условием приобретения таким участником качества третьего лица по отношению к обязательству.

Представим модель третьего лица в динамике гражданско-правового обязательства в виде определенного набора пространств. По отношению к обязательственной связи, представленной кредитором и должником (пространство сторон обязательства), все остальные субъекты гражданского права образуют пространство «других лиц». Вместе с тем стороны обязательства выступают связующим звеном для всех тех «других лиц», которые, не являясь участниками обязательственного правоотношения, потенциально могут оказать влияние на его динамику при условии формирования у них соответствующего интереса. Эти лица образуют пространство потенциальных третьих лиц в пространстве «других лиц». По отношению к пространству потенциальных третьих лиц все остальные «другие лица» попадают в пространство неопределенного круга лиц (иных лиц).

При реализации своего интереса потенциальное третье лицо включается в динамику обязательства в качестве его участника (третьего лица), не приобретая качество основных участников правоотношения – его сторон. В итоге можно вести речь о формировании пространства участников обязательственного правоотношения, включающего в себя пространство сторон обязательства, а также пространство третьих лиц. Все пространства по отношению к пространству сторон обязательства всегда находятся в подвижном состоянии: до тех пор пока существует обязательство, существует возможность перехода любого субъекта гражданского права из одного пространства в другое; любое лицо, входящее в состав неопределенного круга лиц, может перейти в состояние третьего лица.

Возвращаясь к содержанию п. 3 ст. 308 ГК РФ и учитывая вышеизложенное, заметим, что предписание указанной нормы, очевидно, относится к тем третьим лицам, которые вовлечены в динамику обязательственного правоотношения в качестве его участников. Данная установка важна для осознания того, что правовое явление «третье лицо» многогранно: оно проявляет свои особенности не только в сфере разграничения правоотношений на относительные и абсолютные, вещные и обязательственные, но также и внутри каждого из указанных элементов. Было бы неправильным пытаться дать оценку третьему лицу в обязательственном праве исключительно с позиции лица, поведение которого соотносится с действиями должника или кредитора. Ведь не только третьи лица могут оказывать влияние на динамику обязательства, но и

само обязательство как на стадии его возникновения, так и на стадии его исполнения (а равно, на стадии его изменения или прекращения отличного от исполнения обязательства) может оказывать влияние на третьих лиц. Более того, непосредственно действия третьих лиц как участников обязательства могут оказывать влияние на иных участников гражданского оборота, которых закон также называет третьими лицами. Можно ли в таком случае говорить о смешении понятий и о том, что законодатель без разбора использует термин «третье лицо» для обозначения разных субъектов обязательственного права? Очевидно, нет.

Необходимо четко понимать, для какой цели используется понятие «третье лицо»: если речь идет о динамике обязательства, в которую вовлечен субъект, отличный от должника или кредитора, то необходимо вести речь о третьем лице как участнике обязательственного правоотношения; если же речь идет о тех лицах, которые могут попасть под действие тех последствий, которые связаны с динамикой обязательства, в том числе вызванные поведением третьего лица – участника обязательства, следует говорить о третьем лице как не являющемся участником обязательства.

Например, воспринимая поведение гестора в механизме действия в чужом интересе без поручения как поведение третьего лица, мы неминуемо сталкиваемся с тем, что и сами действия гестора (как первопричина) могут затронуть интересы субъектов гражданского оборота, которые будут восприниматься по отношению к доминусу или гестору в качестве третьих лиц. Так, согласно п. 1 ст. 983 ГК РФ действия гестора, совершенные после того, как ему стало известно об их неодобрении со стороны доминуса, не влекут для последнего обязанностей ни в отношении гестора, ни в отношении *третьих лиц*. Фигура третьего лица (неучастника обязательства) присутствует также в ситуации, когда гестор своими действиями причиняет вред: третье лицо в данном случае выступает в роли потерпевшей стороны – кредитора в деликтном обязательстве (ст. 988 ГК РФ).

Как бы мы не относились к фигуре тех лиц, чьих нормы обязательственного права обозначают термином «третьи лица», в основе формирования такой фигуры всегда лежит интерес этих лиц.

Так, например, п. 1 ст. 460 ГК РФ содержит норму о том, что «продавец обязан передать покупателю товар свободным от любых прав третьих лиц, за исключением случая, когда покупатель согласился принять товар, обремененный правами *третьих лиц*». Подобное обременение может носить как вещный, так и обязательственный характер и для цели защиты интересов управомоченного третьего лица означает, что возникновением обязательства по передаче товара, обремененного правами третьего лица, затрагивается непосредственно имущественный интерес этого лица. Сам же защитный механизм интереса третьего лица (неучастника обязательства) можно обнаружить по содержанию отдельных норм позитивного права о купле-продаже. В частности, по договору купли-продажи предприятия кредиторы продавца (третьи лица) могут требовать досрочного исполнения обязательств, входящих в состав предприятия (п. 2 ст. 562

ГК РФ). Данный пример касается ситуации, когда определенный имущественный интерес третьего лица непосредственно связан с наличием у него конкретного субъективного права и этот интерес затрагивается самим *фактом возникновения обязательства*. Но имеют место ситуации, когда *динамикой обязательства* может быть затронут имущественный интерес третьего лица, который, в свою очередь, приведет к возникновению у него определенного права. Например, при исполнении обязанности по предоставлению услуг по управлению транспортным средством, предоставленным в аренду, арендодатель несет ответственность за вред, причиненный *третьим лицам* этим транспортным средством (ст. 640 ГК РФ). В подобной ситуации действием арендодателя при реализации соответствующего обязательства затрагивается интерес третьего лица (неучастника обязательства), который в итоге выразится в оформлении его субъективного права требования, направленного на возмещение причиненного вреда.

Учитывая изложенное, предлагаем при разграничении третьего лица – участника обязательства – и третьего лица – неучастника обязательства – использовать формулу, опирающуюся на одну из двух моделей: либо на модель «реализация интереса третьего лица», либо на модель «затронутый интерес третьего лица». Таким образом, если речь идет о реализации интереса третьего лица, выраженного в определенном его действии, которым затрагивается динамика обязательства, перед нами третье лицо – участник обязательственного правоотношения (в данной формуле «реализация интереса третьего лица» – это всегда первопричина, а «затронутая динамика обязательства» – это всегда следствие); если речь идет о реализации обязательства, в том числе действиях третьего лица – участника обязательства, которыми затрагивается интерес третьего лица, то перед нами третье лицо – неучастник обязательства (в данной формуле «затронутый интерес третьего лица» – это всегда следствие, а первопричиной выступает непосредственно «реализация обязательства» или «действие третьего лица – участника обязательства»).

Установленная ясность в понимании фигуры «третьего лица» в обязательственном праве позволяет сосредоточить внимание исключительно на третьем лице – участнике обязательства (далее – третьем лице) и его интересе. Напомним: несмотря на то что интерес третьего лица всегда лежит за пределами обязательственного правоотношения, его реализация в форме определенного поведения третьего лица в динамике обязательства приводит к удовлетворению интереса должника или кредитора, что, в свою очередь, актуализирует вопрос о содержании таких понятий, как «интерес третьего лица», «интерес сторон обязательства», «интерес участников обязательства».

Действующее законодательство обходит стороной указанные понятия, что, скорее всего, связано с невозможностью дать им оценку с помощью дефинитивной нормы либо другого юридико-технического инструментария, отвечающего за содержание норм позитивного права. Однако это не снижает той роли, которую в целом играет интерес участников обязательства в организации имущественного оборота.

Так, законодатель, оформляя существо принципа добросовестности применительно к сфере обязательственного права (п. 3 ст. 307 ГК РФ), устанавливает обязанность сторон обязательства действовать добросовестно, что означает, в частности, необходимость учета прав и *законных интересов друг друга*, взаимного оказания необходимого содействия для достижения цели обязательства, предоставления друг другу необходимой информации. Это позволяет предположить, что юридический интерес находится в некотором пограничном состоянии между экономикой и правом. Еще С.Н. Братусь считал, что интерес является предпосылкой и целью права [6. С. 20], что исключает возможность объективизации интересов субъектов гражданского оборота в отрыве от экономики. В этом смысле небезынтересна точка зрения Я.А. Кронрода, который отмечал, что экономический интерес есть некое психологическое явление, состояние индивидуального и общественного сознания, а форма необходимости реализации материальных, объективных потребностей [7. С. 545–546]. Переходя из формы экономического интереса в форму юридического интереса, последний не может потерять сущностные признаки первого.

Вместе с тем в современной доктрине была предпринята попытка определить существо юридически значимого интереса субъектов гражданского права исключительно через категорию «потребность субъекта», игнорируя некоторые признаки, существование которых обусловлено существом отношений экономического базиса. Так, например, имеет место суждение о том, что юридически значимый интерес является потребностью субъекта, имеющей социальный характер и проявляющейся в установлении, изменении, прекращении, защите субъективных прав и обязанностей в правовом отношении с использованием юридических средств для достижения поставленных целей [8. С. 23–25].

Представляется, что раскрытие интереса исключительно через потребность не определит все существо гражданско-правовых отношений. Являясь продуктом человеческого сознания, многообразие интересов несравнимо шире по сравнению с кругом потребностей, систематизированных наукой, в том числе в иерархическом порядке [9. С. 60–80]. Рудольф фон Иеринг определял право как юридически защищенный интерес, понимая под последним субъективное эгоистическое вожделение известной выгоды или пользы [10. С. 498–502]. Так, очевидно, что в отношениях купли-продажи покупатель имеет потребность приобрести товар. Однако рассматривать интерес продавца в продаже товара через потребность этот товар продать представляется излишне узким. Продавцом движет эгоистическое вожделение выгоды, а не одна лишь потребность в установлении либо изменении субъективных прав, продаже товара ради продажи товара. Известный психолог С.Л. Рубинштейн отмечал, что попытки свести интерес к потребности, определив его исключительно как осознанную потребность, несостоятельны, поскольку осознание потребности может вызывать интерес к предмету, способному его удовлетворить, но неосознанная потребность как таковая является все же потребностью, а не интересом [11. С. 525]. В.П. Грибанов также писал,

что неверно отождествлять интерес и потребность, поскольку потребность есть объективная необходимость, а интерес есть потребность, прошедшая через сознание людей и принявшая форму сознательного побуждения. Интерес проявляется в виде стремлений, желаний, намерений [12. С. 239–240]. Во многих случаях интерес возникает как реакция субъекта на объективную потребность, однако не исчерпывается исключительно необходимостью удовлетворения потребностей. Следовательно, интерес не исчерпывается исключительно потребностью, проявляясь не только как сознательное побуждение, связанное с удовлетворением потребности, но и как стремления и желания субъекта, не связанные с его потребностями. Существует мнение о том, что формой проявления интереса являются общественные отношения [8. С. 16]. Однако, как представляется, формой проявления интереса вовне в первую очередь являются действия субъектов, направленные на вступление в правовые отношения по поводу и в целях реализации своих интересов.

Интерес субъекта, попадая в правовое поле, становится юридическим либо правовым интересом и находит свое выражение в побуждении лица на получение выгоды. Получение такой выгоды может быть связано с обладанием определенным имущественным или неимущественным правом, а равно с его реализацией; с необходимостью защиты такого права от действий других лиц.

Именно потребность в реализации интереса мотивирует субъектов гражданского права на вступление в правоотношения посредством привлечения определенного набора юридических средств. В этой связи представляется справедливым утверждение о том, что лицо имеет интерес, если у него есть фактическая возможность своим поведением извлекать для себя пользу [13]. Юридический интерес характеризуется наличием у его носителя субъективного права либо правовой возможностью приобретения субъективного права или составляющего его часть правомочия, которыми лицо может воспользоваться в целях реализации своего интереса, а также наличием средств его защиты. Интерес лица может быть направлен как на самого себя, так и на третье лицо, например, субъект предоставляет выгоду от обладания правом требования третьему лицу в договоре в пользу третьего лица.

Подчеркнем, что интерес лица не является благом, а представляет собой побуждение этого лица к получению выгоды от обладания определенным благом. К примеру, при приобретении товара субъектом руководит не интерес в товаре, а интерес в обладании правомочиями собственника в отношении данного товара. Интересом лица при вступлении в правоотношения страхования является побуждение субъекта к приобретению выгоды от обладания правом требования возмещения убытков либо выплаты определенной суммы от страховой компании при наступлении страхового случая, который затронет его материальную сферу. Сложно согласиться с тем, что интерес – не риск, но то, что подвержено риску [14. С. 504]. При таком определении интереса, как представляется, происходит отождествление интереса и блага, которое подвергается риску утраты.

С интересом лица непосредственно связана цель обязательства. В литературе цель определяется как исходный пункт и двигательная сила деятельности субъекта и одновременно направляющий эту деятельность фактор [15. С. 83–89]. Так, цель страхового обязательства состоит в гарантии получения страхового возмещения страхователем (выгодоприобретателем) при наступлении страхового случая [16]. В наиболее общем виде целью страхования является защита имущественных интересов лиц при наступлении случайных событий [17].

Помимо отношений страхования категория интереса может использоваться в гражданском праве для определения размера ответственности за убытки, причиненные правонарушением, поскольку всякое правонарушение посягает на имущественные интересы пострадавшей стороны. Также к имущественным интересам следует относить интерес в создании и использовании объекта интеллектуальной собственности и получении защиты при нарушении исключительных прав автора.

Субъективные права выражают определенный интерес обладающего им субъекта, а также служат средством удовлетворения этого интереса. Интерес субъектов проявляется не только в уже возникших правоотношениях, но является основной предпосылкой для вступления лиц в правоотношение, его изменения или прекращения, а также предпосылкой воздействия третьих лиц на динамику обязательственного правоотношения иных лиц. По этой причине юридический интерес невозможно рассматривать в качестве какого-либо юридического факта, поскольку внутренние побуждения не могут выступать в качестве таковых.

Вместе с тем интерес сторон представляет существенное значение для существования обязательства. Г. Дернбург писал, что еще римская юриспруденция требовала имущественного интереса самого верителя в сделке [18. С. 47]. Однако в динамике обязательства интересу третьего лица не придается значение лишь по той причине, что он лежит всегда за пределами данного обязательства. Это действия третьего лица, направленные, в первую очередь, на удовлетворение его интереса, вовлеченные в динамику обязательства, как правило, одновременно приводят к удовлетворению интереса одной из сторон обязательства. Учитывая, что договоры, как правило, порождают несколько обязательств, достижение цели одного обязательства может обусловить исполнение другого (взаимного) обязательства. Для цели участия третьего лица в динамике одного из взаимных обязательств это означает лишь то, что удовлетворение его интереса (внешнего по отношению к обязательству) может привести к формированию нового интереса, но уже в рамках динамики последующего взаимного обязательства. То есть речь идет о том, что участие третьего лица в дина-

мике обязательства может привести к трансформации его фигуры – он станет полноценной стороной обязательства (а равно полноценной стороной договора).

Приведем одну из допустимых моделей трансформации участника гражданского оборота в динамике гражданско-правового договора: «другое лицо – третье лицо – сторона договора (обязательства)». Так, например, до момента заключения договора на стадии переговоров все участники гражданского оборота по отношению к лицам, вступившим в переговоры, находятся в состоянии «других лиц». В дальнейшем отдельные субъекты права, относящиеся к пространству «других лиц», с момента заключения договора могут обладать таким интересом, реализация которого может затронуть динамику договора. Иначе говоря, с момента заключения договора эти «другие лица» переходят в пространство потенциальных третьих лиц. В дальнейшем при реализации данного интереса, например в динамике договора, построенного по модели договора в пользу третьего лица, потенциальное третье лицо переходит в пространство участников обязательственного правоотношения в качестве третьего лица. Следствием же реализации этого интереса, который изначально лежал за пределами договора, выступит то, что третье лицо приобретет качество стороны договора, а равно стороны обязательств, возникающих из такого договора.

Таким образом, третье лицо в динамике гражданско-правового обязательства – это участник гражданско-правового обязательства, отличный от его сторон, но обладающий таким интересом, лежащим всегда за пределами этого обязательства, реализация которого затрагивает динамику обязательства. Интерес третьего лица как участника обязательственного правоотношения – это побуждение третьего лица к получению выгоды, не связанной с целью обязательства (а равно с интересами его сторон); основная предпосылка для воздействия третьего лица на динамику обязательственного правоотношения. При реализации интереса третьего лица затрагивается обязательство, посредством удовлетворения интереса должника или кредитора, в зависимости от того, на чьей стороне выступает третье лицо.

Третье лицо как участник обязательства – это не застывшая на стадии возникновения обязательства фигура, которая либо появляется сразу, либо не появляется вовсе. Интерес третьего лица, реализация которого может затронуть динамику обязательственного правоотношения, может возникнуть на любой его стадии. Любой субъект обязательственного права может перейти из круга «других лиц», «неопределенного круга лиц» в круг третьих лиц. Следовательно, в кругу «других лиц» потенциальное третье лицо занимает динамическое положение, которое позволяет ему как становиться третьим лицом по отношению к конкретному обязательственному правоотношению, так и переходить из состояния третьего лица обратно в круг «других лиц».

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Mousourakis G. Fundamentals of Roman Private Law. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2012. 363 p.
2. Советское гражданское право / под ред. О.А. Красавчикова. М. : Высш. шк., 1985. Т. 1. 544 с.
3. Нетишинская Л.Ф. К вопросу о влиянии третьих лиц на динамику обязательственного правоотношения // Юрист. 2005. № 10. С. 33–35.
4. Брагинский М.И. Влияние других (третьих) лиц на социалистические гражданские правоотношения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1962. 36 с.
5. Кроз М.К. Третье лицо в обязательстве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 169 с.

6. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М. : Юриздат, 1950. 367 с.
7. Кронрод Я.А. Законы политической экономии социализма. Очерки методологии и теории. М. : Мысль, 1966. 581 с.
8. Михайлов С.В. Категория интереса в российском гражданском праве. М. : Статут, 2002. 205 с.
9. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб. : Питер, 2008. 352 с.
10. История политических и правовых учений : учеб. / под ред. В.С. Нерсисянца. М. : Юрид. лит., 1983. 720 с.
11. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. 2-е изд. СПб. : Питер, 2009. 720 с.
12. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2000. 411 с.
13. Фогельсон Ю. Конструкции «интерес» и «риск» в Гражданском кодексе // Хозяйство и право. 2003. № 6. С. 20–29.
14. Серебровский В.И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. 2-е изд., испр. М. : Статут, 2003. 558 с.
15. Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М. : Юрид. лит., 1984. 224 с.
16. Сокол П.В. Комментарий к Федеральному закону от 14 июля 2012 г. № 67-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном» (постатейный). М. : Деловой двор, 2014. 168 с.
17. Щербакова М.А. Прекращение страховых обязательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 12. С. 64–69.
18. Г. Дербург. Пандекты. Т. 2: Обязательственное право. 2-е изд. / пер. под рук. и ред. П. Соколовского. М. : Универ. тип., 1911. 411 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 5 декабря 2016 г.

### THIRD PARTIES IN THE RUSSIAN FEDERATION LAW OF OBLIGATIONS

*Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2017, 415, 206–211.

DOI: 10.17223/15617793/415/29

Aleksey Yu. Churilov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Lefikantor@yandex.ru

**Keywords:** obligation; contract; third parties; interest; promisor; promisee.

The article considers the category of a third party in the law of obligations in terms of the impact of a third party on the dynamics of civil obligations. It is noted that in the theory of the law of obligations there is no unified approach to the understanding of a third party due to the mixed approach of the legislator to the use of the term “third party” in legislation. The author covers the definition of a third party; selects an essential attribute of a third party which can be used to separate a third party from “other” persons. This attribute is an interest of “other” persons, which is an obligatory prerequisite for their interference into the obligation. Prior to the realization of the interest a third party remains a potential third party. And only after exercising an interest by their actions “other” persons become a third party in the legal relations between the promisor and the promisee. The interest of third parties always lies outside the obligation purpose, but its realization within this obligation is a means of fulfillment of the creditor’s or debtor’s interests. Transformation of the legal person to a third party in any given obligation undergoes two stages: the first stage is related to the emergence of the interest and leads to the appearance of a potential third party; the second is related to the pursuit of the interest by a third party, which affects the dynamics of the obligations when a potential third party becomes a real third party. Thus, the exertion of the interest by a legal person is a sufficient and necessary condition for the acquisition of the legal status of a third party by “other” persons. Based on the analysis of the legal status of a third party in various obligations, the author makes a conclusion regarding the necessity of distinction between two types of third parties: as a participant of an obligation and as a non-participant of an obligation. The formula based on one of two patterns – the model of “realization of the interest of a third party” or the model of the “impact on the interest of a third party” – is used to distinguish between two types of third parties. A third party in the dynamics of a civil obligation is a party to the obligation, other than principal parties, but it has an interest (lying outside this obligation) whose realization affects the dynamics of the obligation. The interest of a third party as a participant of the obligation is a motivation of this third party to receive a benefit, which is not related to the main purpose of the obligation as well as with the interests of principal parties.

### REFERENCES

1. Mousourakis, G. (2012) *Fundamentals of Roman Private Law*. Berlin: Springer-Verlag, Heidelberg.
2. Krasavchikov, O.A. (ed.) (1985) *Sovetskoe grazhdanskoe pravo* [The Soviet civil law]. Vol. 1. Moscow: Vysshaya shkola.
3. Netishinskaya, L.F. (2005) K voprosu o vliyaniy tret'ikh lits na dinamiku obyazatel'stvennogo pravootnosheniya [On the effect of third parties on the dynamics of the relationship of obligation]. *Yurist*. 10. pp. 33–35.
4. Braginskiy, M.I. (1962) *Vliyaniye drugikh (tret'ikh) lits na sotsialisticheskie grazhdanskoe pravootnosheniya* [The influence of other (third) parties on the socialist civil law relations]. Abstract of Law Dr. Diss. Leningrad.
5. Kroz, M.K. (2001) *Tret'e litso v obyazatel'stve* [A third person in the obligation]. Law Cand. Diss. Saratov.
6. Bratus', S.N. (1950) *Sub'ekty grazhdanskogo prava* [Subjects of civil law]. Moscow: Yurizdat.
7. Kronrod, Ya.A. (1966) *Zakony politicheskoy ekonomii sotsializma. Ocherki metodologii i teorii* [The laws of political economy of socialism. Essays on methodology and theory]. Moscow: Mysl'.
8. Mikhaylov, S.V. (2002) *Kategoriya interesa v rossiyskom grazhdanskom prave* [Category of interest in the Russian civil law]. Moscow: Statut.
9. Maslow, A. (2008) *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and Personality]. St. Petersburg: Piter.
10. Nersesyants, V.S. (ed.) (1983) *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy* [The history of political and legal doctrines]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
11. Rubinshteyn, S.L. (2009) *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. 2nd ed. St. Petersburg: Piter.
12. Griбанov, V.P. (2000) *Osushchestvleniye i zashchita grazhdanskikh prav* [The implementation and protection of civil rights]. Moscow: Statut.
13. Fogel'son, Yu. (2003) Konstruktsii “interes” i “risk” v Grazhdanskom kodekse [Constructions “interest” and “risk” in the Civil Code]. *Khozyaystvo i pravo*. 6. pp. 20–29.
14. Serebrovskiy, V.I. (2003) *Izbrannyye trudy po nasledstvennomu i strakhovomu pravu* [Selected works on succession and insurance law]. 2nd ed. Moscow: Statut.
15. Puginskiy, B.I. (1984) *Grazhdansko-pravovyye sredstva v khozyaystvennykh otnosheniyakh* [Civil remedies in economic relations]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
16. Sokol, P.V. (2014) *Kommentariy k Federal'nomu zakonu ot 14 iyulya 2012 g. № 67-FZ “Ob obyazatel'nom strakhovanii grazhdanskoy otvetstvennosti perevozchika za prichineniye vreda zhizni, zdorov'yu, imushchestvu passazhirov i o poryadke vozmeshcheniya takogo vreda, prichinnogo pri perevozkakh passazhirov metropolitenom” (postateyny)* [Commentary to the Federal Law 67-FZ of July 14, 2012, “On compulsory insurance of civil liability of the carrier for damage to life, health and property of passengers and compensation for such damage caused during the underground transportation of passengers” (itemized)]. Moscow: Delovoy dvor.
17. Shcherbakova, M.A. (2010) *Prekrashcheniye strakhovykh obyazatel'stv* [Termination of insurance liabilities]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 12. pp. 64–69.
18. Dernburg, G. (1911) *Pandekty* [Pandects]. 2nd ed. Vol. 2. Moscow: Univer. tip.

Received: 05 December 2016